

УДК 070.23(1-21)(470.5) + 821.161.1-7

Ю. С. Подлубнова

УРАЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СВЕРДЛОВСКОМ ФЕЛЬЕТОНЕ 1920-х гг.

Статья посвящена репрезентациям повседневности и нарушениям ее режимов в свердловском/уральском фельетоне 1920-х. Выявляются реакции фельетонистики на социальные и бытовые процессы, происходившие в течение десятилетия. Исследуется специфика изображения реалий и аномалий военного коммунизма, НЭПа, эпохи индустриализации. Впервые анализируется целый корпус фельетонов, представленных в свердловских изданиях (газетах «Уральский рабочий», «На смену!», журнале «Товарищ Терентий» и др.).

Ключевые слова: 1920-е; фельетон; уральская повседневность; НЭП; нэпман; новый быт; сатира; «Уральский рабочий»; «На смену!»; «Товарищ Терентий».

Фельетон, традиционно использующийся как инструмент сатиры, оказался востребован советской газетой, как только в стране наступила более-менее мирная жизнь. «Даже после революции фельетону никто ничего не предсказывал и никуда не тянул. Он вырос на наших глазах, сам по себе, некоей дикой порослью, на нейтральном промежутке между литературой деловой и художественной», — отмечала критик Евгения Журбина [4, 30]. «Благоприятные условия для развития советской сатирической журналистики начинали складываться вскоре после перехода страны от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Именно в эти годы наблюдается бурный рост сатирической журналистики, окончательно выработывались ее принципы, методы, формы. Решающую роль в этом процессе сыграли факторы общественно-политического характера. Оживление частного предпринимательства и буржуазных элементов в условиях НЭПа, усилившееся влияние буржуазной идеологии на массы, с особой остротой поставили вопрос — на что способна система советских сатирических изданий...» [20, 3]. «Почему в 1920-е гг. фельетон являлся одним из любимых газетных жанров — догадаться нетрудно. Он оказался одним из немногих каналов критики, которая воспринималась публикой как идущая снизу, от насущных нужд и претензий обычного жителя. Широкий читатель был слабо подготовлен к аналитическим статьям и серьезному анализу как таковому. Решительные повороты власти требовали внятных для обывателя объяснений того, как эти изменения отразятся в повседневной практике» [16, 400–401]. Как бы то ни было, фельетон уже с 1922–1923 гг. становится непременным атрибутом центральной и региональной прессы — от «Правды» и «Гудка» [10, 22, 26] до — если говорить

ПОДЛУБНОВА Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела Уральского федерального университета; научный сотрудник сектора истории литературы Института истории и археологии УрО РАН; заведующий музеем «Литературная жизнь Урала XX века» (e-mail:tristia@yandex.ru).

© Подлубнова Ю. С., 2019

об Урале — свердловских «Уральского рабочего», «На смену!», «Крестьянской газеты», пермской «Звезды», челябинской «Советской правды» и т. д.

Стоит заметить, что советский фельетон, расцвет которого пришелся на 1920-е гг., наследовал фельетону дореволюционному и в целом газетной культуре конца XIX — начала XX в., с ее особой функциональностью, предполагающей оперативное реагирование на актуальные проблемы общественной и бытовой жизни. Тогда, на рубеже веков, «происходила стремительная массовизация и демократизация прессы, заметно увеличивалась читательская аудитория (за счет городского и низового населения), которая в большей или меньшей степени могла влиять на содержание газетных материалов» [1, 15]. Дореволюционный фельетон прекрасно справлялся с задачей отражения различных аспектов современности, и именно он был ближе всего к повседневности читателя, особенно если речь шла о городском или бытовом фельетоне, которые доминировали в региональной печати [2].

В видо-типологическом отношении фельетонистика 1920-х гг. оказалась более обширной, чем дореволюционная. «Все важнейшие явления внутренней и внешней политики, быта, экономической и профессиональной жизни можно было бы преподнести читателю в хорошем фельетоне», — был, например, убежден К. Радек [29, 8]. Задача «профельетонить нашу газету от передовицы до хроники происшествий» [29, 7] (Л. Сосновский) ощущалась в 1920-е как самая насущная. Неудивительно, что политический фельетон соседствовал на страницах изданий с фельетоном бытовым, стихотворный и даже лирический фельетон — с фельетоном-репортажем, фельетоном-новеллой, да и четких жанровых рамок газетным материалам никто не задавал¹. Неизменными признаками жанра оставались лишь быстрое реагирование на внешний раздражитель и «вкус фельетониста к факту» (А. Зуев) [29, 51], а факт, в свою очередь, обрабатывался в меру литературных и публицистических способностей пишущих.

Уральская современность не сразу попала в поле зрения газетных литераторов 1920-х гг. Например, подшивки «Уральского рабочего» за 1919–1921 гг. демонстрируют востребованность рубрики «Маленький фельетон» (особенно в 1919 г.), но содержание ее материалов зачастую не связано с уральской жизнью. Сделанная газетой ставка на политику, обусловленная, в первую очередь, военным положением в стране, определила специфическую оптику советских фельетонистов. Тексты Пулемета (в 1920-е была продолжена дореволюционная традиция подписываться псевдонимами), Грамена, Ник. Иванова — именно этих авторов чаще всего публиковала газета — освещали преимущественно перипетии Гражданской войны и казусы внешней политики, и только потом — отдельные моменты классовой борьбы внутри страны. Из текста в текст неизменно транслировался образ врага, будь то Деникин, Колчак, Шкуро, Ллойд-Джордж или Пилсудский, кулаки или саботажники, «холод, голод и сыпняк» (так назывался фельетон Пулемета от 4 января 1920 г.), озвучивались идеологические и прагматические установки новой власти.

¹ Размытость границ между фельетоном и рассказом 1920-х отмечает Е. В. Пономарева [25, 189].

Чем дальше, тем больше политические фельетоны 1920-х отражали динамику напряженных отношений СССР с разными странами — от Румынии до Китая, от Венгрии до США. Между тем каких-либо региональных особенностей эти тексты не имели. Какая-то их часть перепечатывалась из центральной прессы, какая-то писалась на местах. Причем местные авторы, берущиеся писать о международных делах (Гусляр, Никто — псевдонимы Н. Тагамлицкого, Блик, Горец, А. Курский, Смехач, И. Чилим, Старый Юс и др.), говорили универсальным языком эпохи и вписывались в общие контексты советской газетной риторики.

Повседневность, словно бы отмененная в 1918–1919 гг., возвращалась в фельетон постепенно, пока в виде общественно значимых аномалий. Так, в подшивке «Уральского рабочего» за 1920 г. попытки фиксации отдельных фактов екатеринбургской жизни представлены в зарисовке «с натуры» «В пути» Г. Сафронова (28 марта) и фельетоне (обозначенный «вместо фельетона») «Где границы?» А. Динарова (27 авг.). Сафронов с позиции очевидца рассказывает о происшествии на железной дороге, когда воры пытались похитить мешки с мукой из вагона. Динаров, выступающий в роли заинтересованного наблюдателя, обвиняет Екатеринбургский союз работников искусств в нежелании работать. Оба фельетона выявляют вопиющие случаи нарушений общественного порядка, но при этом посвящены исключительно частным эпизодам городской действительности.

Настоящее возрождение городского фельетона случилось несколькими годами позже, в 1922–1923 гг., когда мирная жизнь вошла в привычное бытовое русло и пространство города не просто наполнилось имеющими теперь большое значение происшествиями и персонажами, но стало осмысляться как целостная комплексная среда, которая, если использовать язык урбанистики, возникает «в процессе интерференции территориально-поселенческих, социально-отношенческих и ментальных структур» [23, 97].

Яркими образцами городских фельетонов 1920-х гг. явились «Пыльгород или Мусорград?» (1924) Юрия Янопольского и «Свердловск. Столица Урала» (1926) Николая Тагамлицкого. Авторы осознанно обращаются к повседневности Екатеринбурга/Свердловска, особо отмечая деструктивные феномены городской жизни: ущербность среды обитания, нарушение режимов социальной коммуникации и пр.

«Тяжело жить в Екатеринбурге.

Во всяком случае для этого нужны:

1) незлобивый ум,

2) стальные нервы,

3) железное здоровье», — начинает Ю. Янопольский [34, 16]. Зимой городские тротуары покрыты льдом, «поэтому екатеринбуржцы с легкостью и грациозностью прима-балерин из кордебалета выдвигают ногами самые замысловатые па и причудливые пируэты», «к лету лед уступает место глубоким ямам, рытвинам и провалам», «густая удушливая пыль, стройными организованными колоннами разгуливающая по городу, является лучшим украшением Екатеринбурга», тем более «для сохранения этой достопримечательности Городкомхоз посыпал мостовую песком» [Там же]. Н. Тагамлицкого также беспокоят проблемы городского

хозяйства: отсутствие канализации, водопровода, качественной телефонной связи. Среди прочего он обращает внимание на свободно разгуливающих по улицам коз [28], которые, отметим, являлись неперенным элементом описаний жизни Екатеринбурга — от дореволюционных фельетонов Вячеслава Чекина [8] до очерка приезжего Н. Никитина, саркастически замечавшего, что «самое достопримечательное в городе — пожарный козел», которым пропах целый квартал [19, 84]. Сосредоточившийся на проблемах городской среды и городского хозяйства, которые словно бы переносятся из дореволюционного городского фельетона, Н. Тагамлицкий отмечает несоответствие свердловской повседневности символическому статусу столицы Урала, легитимированному в том числе административным положением города в рамках Уральской области.

Одной из актуальных газетных тем уже с 1921 г. стала новая экономическая политика, она же НЭП, с которой, как точно выразился И. Б. Орлов, стали прощаться в самом ее начале [21]. НЭП высмеивался разноаспектно: и как нечто новое и непонятное, и как совокупность элементов буржуазной жизни. К примеру, в рассказе-фельетоне С. Лобаева «Генерал НЭП» полуграмотные крестьяне, не освоившие советский новояз, к тому же запутанные военизированным дискурсом советской риторики и привыкшие, что на страну наступают белые генералы, принимают НЭП за такого генерала [17].

В центре фельетонов часто оказывалась фигура нэпмана, персонажа «отрицательного, сатирического, “временного”, ненавидимого и презираемого “общественностью”» [14]. Например, в фельетоне «Муть» Ю. Янопольского «мутью», которая «всплыла на поверхность», называются «новые люди», высланные из Москвы и Ленинграда и осевшие на Урале. Янопольский затрагивает тему принудительной миграции нэпманов на восток страны, в Сибирь. Екатеринбург стал этапным пунктом, где нэпманы могли остановиться в пути и зажечь привычную жизнь. «Молодые люди с ангельскими розовыми или томно-бледными лицами, с аккуратными проборами и прилизанными прическами, наманикюренными ногтями на холеных пальцах, в легких коротких франтовских пиджачках и вытуженных брюках.

Их много и почти все они знают друг друга, или же быстро знакомятся, чуя “сродство душ”, по каким-то неуловимым для постороннего взгляда признакам.

Они шепчутся между собой, делают большие глаза и испуганные лица и при приближении постороннего быстро расходятся и рассаживаются по своим столикам» [33, 10]. Они делают странные заказы, выбирая «филе-сотэ», «розбрат с луком», «шато-икем» и т. д. Вечером они ходят в театр. «Короткие пиджаки сменены на визитки и даже фраки. Белоснежное туго-накрахмеленное белье, драгоценные камни на запонках, лакированная обувь.

С ними дамы. Толстые с бульдожьими физиономиями, с рачьими глазами, с шеями, обвитыми жировыми обручами. Тонкие, элегантные, с пряным запахом духов и пустым искусственно играющим взором» [Там же].

Не нужно думать, что описано какое-то тайное городское общество. «Вся это шпана — паразиты, тунеядцы, казнокрады, шулера, клубные арапы и жуки, спекулянты и валютчики. <...> О чем они шепчутся с таинственным видом? Да все

о том же: о зверстве ГПУ <...> о близком конце нэпа, обо всем, обо всем на свете шипит и гнусавит эта шпана, эти подонки общества, без зазрения совести под различными предложениями залезаящие в карман соседа» [33, 10]. И далее: «Надо скорее разгрузить от них Екатеринбург. Летом жарко и эти разлагающиеся трупы будут отдавать нестерпимым смрадом. Там на севере все-таки холоднее» [Там же, 11].

Непременным атрибутом НЭПа становится богемная жизнь приезжих и местных предпринимателей — посещения городских ресторанов, лихие загулы, проигрыши в казино (см. фельетоны «В пене НЭПа» Сибирякова, «Голоса из нэповской пены» Беса). НЭПом, без сомнения, была угадана «тоска населения по физиологической радости и чувственной разрядке» [14]. Кроме того, НЭП в газете 1920-х практически отождествлялся с мелкобуржуазной стихией, мещанством и обывательщиной². Так, в фельетоне «Коммунист в кольце» М. Чарного сначала жена коммуниста приходит в дурное расположение духа, заметив новую шляпку у подруги, а затем в голове героя теснятся и нелепо нагромождаются «осколки мыслей о “ленинском наборе”, о новой шляпке, о накладной лошадке кооператива, о семейной разрухе, о московской чистке» [30, 13]. Ресторан «Неаполь» на улице Карла Маркса, театр Луначарского, Комклуб полны «новых людей». Герой идет домой и пытается читать книги «Госиздата», но и здесь его подстерегают «соблазны НЭПа»: в руки ему попадают «Тяжелая лира» Владислава Ходасевича и «Последние стихи» Поликсены Соловьевой, а вовсе не советская лирика. Ночью ему снится сон: «Выползали лохматые, в пивной пене, рыжие бороды, любовь-амур с крылышками надевал цилиндр и с торжествующе наглым хохотом показывал пачку акций новых нефтяных источников.

Я просыпался: над моей кроватью, расставив ноги, стоял на земном шаре Ленин с напряженно протянутой рукой. Под его указательным пальцем светились огненные слова: “Нас окружает море мелко-буржуазной стихии. Нужно много бдительности, чтобы с этой стихией бороться, успешно бороться”. Со всех сторон прет мещанство, обывательщина. Проникает, как газы удушливые, во все щели наших будней. В семье, в театре, в литературе, даже в советской газете, даже в комклубе: “Коммунист в кольце!”» [30, 15].

Осуждение мещанства в русской культуре не являлось прерогативой XX в., однако в 1920-е мещанство было зачислено в список врагов строящегося государства, и сатирики, опирающиеся на литературную традицию, но следующие за советской риторикой, широко вписывали проявления «обывательщины» в карнавализованные картины буржуазной жизни НЭПа [24].

Впрочем, реалии НЭПа могли иметь и сугубо экономический характер. Так, свердловский журнал «Уральский кооператор» в 1924–1926 гг. (и далее, вплоть до 1928) публиковал фельетоны, посвященные исключительно кооперации и экономическим отношениям (цикл «Закупщики» автора под псевдонимом «Друг», «Веселые сказы про кооперативные проказы» Дяди Митяя, «Лавры Хлестакова», «Пошехонцы на маслозаготовках», «Рационализация по-кунгурски, или Сапоги всмятку» М. Яблоновского и др.).

² См., например, фельетоны М. Зоценко, М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова и др. См. также [9].

Однако уральская повседневность начала 1920-х не ограничивалась экономической проблематикой, она складывалась из разрозненных фактов и фрагментов действительности, создающих в своей совокупности яркий узнаваемый образ эпохи. К примеру, быт горожанина или сельского жителя как пространство смысловых модусов наполнил фельетон еще в XIX в., однако в 1920-е выделились характерные темы: массовый алкоголизм (см. «Скучающие самодуры», «Камаринский мужик» Рашпиля, «В “престол”» Гайки), бытовое и производственное хамство («Храбрый профессор» Булдыго, «“Девственный мат”, или Лысьвенский громкоматеритель» Зуды), комчванство («Ковка рысаков» Рашпиля), воровство и рвачество («Как обдирают фабзайцев» Зуды, «Растратиада» Никто), «религиозный дурман»; здесь же нередко освещались проблемы жилстроительства («На точке замерзания» С. Нелидова), неполадки на железной дороге («Раздави вас буфера», «В мире железнодорожных приключений» Рашпиля), хозяйственная халатность («Профессиональное “самолюбие”» Зуды Нового, «Кусок ситца» В. Юза), вывихи советского бюрократизма («Рождественские человеко-дни» С. Нелидова). Дотошные свердловские фельетонисты обвинили даже поэта Василия Каменского в стремлении к личному обогащению, рассказав как он «снизошел» до Урала и продает редакторам стихи, ранее проданные в столице. «Бросьте!.. Невыгодное дело стихи... Лучше уж по торговой части... Выгоднее...» [27, 14].

Если рассматривать особенности фельетона эпохи НЭПа, то нельзя не заметить принципиальное изменение ролевой модели газетного автора, влияющее в том числе на выбор и постановку проблем, описывающих современность. Из дореволюционного фланера, более или менее зло иронизирующего над благоустройством улиц, наблюдательного выразителя здравого смысла, он превращается в выразителя точки зрения государства, агитатора и пропагандиста. «Критикуя от лица и по поручению правящих сил, фельетонист приобретает своего рода могущество приближенного, перестает быть местным наблюдателем и превращается в лицо, говорящее от имени “центра”» [16, 400].

Фельетон второй половины 1920-х уверенно вторгался в разные сферы жизни. Свердловские газеты, взявши на вооружение идею столичности города в рамках региона, пристально наблюдали за Уральской областью, не оставляя без внимания ни «царапины быта», ни проблемы хозяйства, ни вопросы производства, особенно актуальные после объявления и форсирования в стране пятилетки. Повседневность, репрезентуемая в изданиях 1927–1929 гг., теряла черты, взлелеянные ранее городскими фельетонами. На первый план выходили проблемы социалистического строительства: деятельность организаций, учреждений, заводов, бытовые привычки рабочих и крестьян, организация быта советской молодежи и т. д.

Дихотомия нормы и аномалии, которую замечает Н. Лебина, описывая повседневность 1920-х [15], определила содержание фельетонов многих уральских авторов, в том числе А. Гайдара (жившего в 1925–1927 гг. в Перми и Свердловске), А. Курского, И. Чилима и др. К примеру, И. Чилим коллекционирует самые разнообразные отклонения от нормы. Так, в фельетоне «Женщина с усами» сатирика смущают кариатиды одного из свердловских домов по улице Вайнера — «фигуры

с перехваченными талиями и необычайно вздыбленными грудями», лица которых снабжены ефрейторскими усами [32]. В фельетоне «Тантьема» он обескуражен никому не известными «тантьемами», которые выдают сотрудникам Уральского отделения Ленинградтабактреста в качестве премии [31]. В «Пляши-нога» в центре внимания оказывается Уралпосредрабис (Уральское отделение по найму работников искусств при НКТ СССР) [6]. В фельетоне «Подкоп» речь идет о Миасском краеведческом музее и его директоре Э. И. Мали, собирающем предметы дореволюционного быта, в связи с чем его деятельность расценивается местными представителями власти как контрреволюционная [7].

Характер многих аномалий, обозначаемых авторами фельетонов, был довольно универсальный (о них писали повсеместно), однако специализированные издания сужали круг проблем. Отдельного разговора заслуживают фельетоны, опубликованные в свердловской молодежной газете «На смену!». Здесь происходило своеобразное отражение/конструирование повседневности советской молодежи. Так, на повестке стояли такие проблемы, как туберкулез и жилищная политика («Дайте жить человеку» Эст., «Кровь» В. Тюменева), бюрократия, волокита — например, невозможность годами получить комсомольские билеты («О билете, которого нет» А. Курского), нежелание комсомольцев слушать критику («Сирень цветет» Б. Баянова), попытки детей кулаков влиться в ряды рабочей молодежи («Активистка Степаненко» В., «Димочка» А. Курского), проблемы ШКМ — Школы краевой молодежи («Кладбищенский надел» Д. В.), домогательства начальника («Издательство» Д. В.) и т. д. — вплоть до разоблачения литературного воровства («Философия вора» А. Курского). В фельетоне «Рыцарь женской чести» А. Курский поднимает актуальные для 1920-х вопросы эмансипации и полового равноправия: секретарь Баженовской комсомольской ячейки Авдей Глухих, слышавший горячим сторонником равноправия, бьет свою жену палкой до крови [12]. Уральский Остап Бендер фигурирует в другом фельетоне А. Курского «Хлестаков в Добрянке». Некто Балдин попросил у добрянских активистов помощи в поиске работы, ему нашли место на заводе, после чего в первую же неделю работы Балдин женился «на заводской девушке, комсомолке, обладательнице миловидного лица, красивых серых глаз и вещей на 200 руб.», с которыми он довольно скоро и исчез [13].

Очевидно, что советская газета была включена в процессы налаживания нового быта. Мельчайшие бытовые детали, попадая в уральский фельетон, приобретали зачастую символическое значение. Пример — расческа жены секретаря Денисовского сельсовета Исетского района Тюменского округа В. Майского, которую в ноябре 1928 г. увез со съемной квартиры секретарь Исетского райкома ВЛКСМ Баранов, в связи с чем Майский написал заявление в окружком. В нем говорилось, что расческа была куплена в 1924 г. за 3 руб. 75 коп., а также озвучивалось намерение подать на Баранова заявление в Областную контрольную комиссию [11].

При этом многообразии бытовых реалий и повседневных практик в фельетонистике 1920-х уже к концу десятилетия стало тесниться — пока не существенно, но уже заметно — индустриальной повесткой. Первая пятилетка обозначила приоритетный для новой эпохи интерес к производству — заводам, фабрикам,

крупному строительству. Так, в центре одного из свердловских фельетонов А. Гайдара оказывается пуск электростанции на Большом Конном полуострове. «Вчера в 3 с половиной часа дня техник Силанов подошел к доске генераторного пульта, спокойно повернул рычажок, и 3000 вольт, бесшумно ударив провода, полились непрерывным горячим потоком на заводы Свердловска» [3]. Писатель отказывается от свойственной ему газетной иронии, фельетон приобретает черты репортажа и очерка.

В 1927 г. в «Уральском рабочем» была организована сатирическая страница с вполне производственным названием «Веселая кузница» (затем она будет выходить как отдельное приложение к газете). Примечательно, что «кузнецы» среди прочего завели привычку выезжать на предприятия области. Они посетили Чусовской, Первоуральский, Мраморский и другие заводы, заехали в Верхний Уфалей, Пермь, Кизел, Лысьву, Надеждинск и иные уральские города, имеющие производственные мощности. Результаты заводских ревизий газетных авторов были представлены в серии фельетонов.

О прелой спецодежде на Чусовском заводе:

— Выдали рубахи, рубахи нам в апреле,
Через два денька они пропрели. <...>
Куртки нам брезентовые дали,
Мы на них взглянули, зарыдали,
Как те куртки надевать на тело,
Если моль какая-то их съела? [5]

Собственно индустриальная эпоха прочно вошла в фельетон конца 1920-х — начала 1930-х, стремящийся сформировать представление о повседневности как о работе на производстве и работе самого производства, что, впрочем, не означало конец интереса сатириков к быту в его лотмановском понимании: «вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение» [18]. Повседневность с ее неизменными бытовыми деталями и жизненными аномалиями так и не была вытеснена из фельетона 1920-х.

Уральский фельетон, следовавший в своем развитии за фельетонистикой эпохи в целом, оказался жанром, довольно легко приспособляющимся к меняющимся общественно-политическим условиям и социальным запросам. Он активно трансформировался в течение всего десятилетия за счет приращения разнородных жанровых элементов, расширения диапазона тем и инструментария художественно-публицистических приемов. Он пристально вглядывался в мельчайшие штрихи современности, выделяя в ней самое яркое и в то же время типическое, хотя и не самое положительное, во всяком случае, большая часть фельетонов 1920-х носила сатирический характер и коллекционировала социальные и бытовые аномалии. Фельетонистика 1920-х создавала образ эпохи: меняющейся, противоречивой, взвихренной. Одновременно фельетонисты тщательно наблюдали за фактами, вопиюще нарушающими режимы уральской повседневности: недостатками в работе городского хозяйства, экономическими упущениями и деструктивными общественными явлениями. Город, село, заводы, учреждения и организации, НЭП,

советская молодежь и советская женщина, индустриализация, новояз и новый быт — свердловский фельетон не оставлял без внимания ни одно явление своего времени, хотя, стоит признать, уральских акцентов в нем было не так уж и много.

1. *Антипина З. С.* Женские рассказы в пермской периодической печати конца XIX — начала XX в. // Дергачевские чтения—2008: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Проблема жанровых номинаций. Екатеринбург, 2009. С. 13–19.

2. *Власова Е. Г.* Уральская стихотворная фельетонистка конца XIX — начала XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

3. *Гайдар А.* 3000 вольт // Уральский рабочий. 1927. 11 февр.

4. *Журбина Е.* Новый бытовой фельетон в газете // Фельетон : сб. ст. Л., 1927. С. 30–40.

5. *Золотухин Г.* «Веселая кузница» на Чусовском заводе // Уральский рабочий. 1927. 6 авг.

6. *И. Ч.* Пляши-нога // Уральский рабочий. 1927. 28 авг.

7. *Ич.* Подкоп // Уральский рабочий. 1927. 18 сент.

8. *Клочкова Ю. В.* Фельетоны на страницах газеты «Уральский рабочий» (1919–1926 гг.) // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе. Тюмень, 2008. С. 336–341.

9. *Комаров С. А.* Морально-этическая проблематика русского фельетона 1920-х — начала 1930-х годов // Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету. 2015. Вып. 5. С. 236–246.

10. *Кузнецов П. В.* Своеобразие фельетонистики 1920-х гг. в газете «Гудок» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

11. *Курский А.* Дело о расческе // На смену! 1929. 12 февр.

12. *Курский А.* Рыцарь женской чести // На смену! 1928. 10 июня.

13. *Курский А.* Хлестаков в Добрянке // На смену! 1928. 15 июня.

14. *Лебедева В. Г.* Антитеза «старое — новое» в массовой культуре 1920-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/n/NEP.html> (дата обращения: 12.03.2019).

15. *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

16. *Литовская М. А.* Фельетоны Аркадия Гайдара в газете «Уральский рабочий» // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг. От «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему». Екатеринбург, 2016. С. 395–406.

17. *Лобаев С.* Генерал НЭП. Рассказ рабочего типографии «Гранит» // Товарищ Терентий. 1924. № 19. С. 2–3.

18. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX в.). СПб., 1994.

19. *Никитин Н.* Столица Урала // Никитин Н. С карандашом в руке : очерки и рассказы. М. ; Л., 1926. С. 77–89.

20. *Никулин И. О.* Советские сатирические периодические издания 1920-х годов: системные связи контента и типологических характеристик : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013.

21. *Орлов И. Б.* О непманах, нэпачах и советском зооморфизме... Образ «новой буржуазии» в советской сатире 1920-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://zoschenko.lit-info.ru/zoschenko/kritika/orlov-o-nepmanah-nepachah.htm> (дата обращения: 12.03.2019).

22. *Орлова Е. И.* Фельетон 20-х годов: проблемы критики и поэтики // Актуальные проблемы журналистики. М., 1983. Вып. 2. С. 107–114.

23. *Пирогов С. В.* Феноменологическая социология и урбанистика // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. № 282. С. 97–103.

24. *Подлубнова Ю. С.* НЭП и нэпманы в екатеринбургском фельетоне 1920-х гг. // НЭП в истории культуры: от центра к периферии. Саратов, 2010. С. 331–337.

25. Пономарева Е. В. Жанровый синкретизм малой прозы 1920-х годов // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Социально-гуманитарные науки. Вып. 4. 2005. № 7 (47). С. 189.
26. Серегина М. С. Жанр фельетона в журналистском творчестве М. А. Булгакова. (Период работы в газетах «Гудок» и «Накануне»). Тверь, 2005.
27. Смехач. Один раз напиши — семь раз напечатай // Товарищ Терентий. 1925. № 3. С. 14.
28. Тагамлицкий Н. Свердловск. Столица Урала // Уральская новь. 1926. № 6. С. 22–23.
29. Фельетон : сб. ст. Л., 1927.
30. Чарный М. Коммунист в кольце // Товарищ Терентий. 1924. № 15. С. 13–15.
31. Чилим И. «Тантьемы» // Уральский рабочий. 1926. 26 июня.
32. Чилим. Женщины с усами // Уральский рабочий. 1926. 15 июня.
33. Янопольский Ю. Муть // Товарищ Терентий. 1924. № 23. С. 10–11.
34. Янопольский Ю. Пыльгород или Мусорград? // Товарищ Терентий. 1924. № 18. С. 16.

Статья поступила в редакцию 31.03.2019 г.

УДК 070.23(68) + 94(68) + 327.54

А. В. Антошин
В. А. Антошин

РАЗВИТИЕ ФЕНОМЕНА ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ НА ЮГЕ АФРИКИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена основным тенденциям развития прессы юга Африки в середине 1940-х — начале 1960-х гг. Публикация базируется на материалах газет, издававшихся в Южно-Африканском Союзе, Юго-Западной Африке и Южной Родезии. Данные издания хранятся в Библиотеке Конгресса США. Авторы доказывают, что периодическая печать является важным историческим источником для характеристики процессов политической, экономической и социокультурной модернизации юга Африки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пресса; Южная Африка; Южно-Африканский Союз; Юго-Западная Африка; Южная Родезия; апартеид.

История периодической печати юга Африки эпохи «холодной войны» относится к числу слабо изученных сюжетов в отечественной африканистике. Советские авторы почти не уделяли внимания такому важному аспекту социокультурной модернизации Черного континента, как развитие прессы, концентрируясь на попытках европейских колонизаторов сохранить контроль над Африкой [6, 7]. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в работах

АНТОШИН Алексей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета (e-mail: alex_antoshin@mail.ru).

АНТОШИН Валерий Алексеевич — кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург.

© Антошин А. В., Антошин В. А., 2019